

Цѣна съ перес.
 за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 129

(М а й).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
 ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
 ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Слѣпый удерживаемый.—Гоголь, какъ хрістіанинъ. Мысли Го-
 голя о вѣрѣ и Церкви, о Царѣ и Отечествѣ.—Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ
 Николая Матвѣевича Рынина (подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).—
 Чѣмъ жива наша русская православная душа. *Никона, Епископа Вологодскаго
 и Тотемскаго.*

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

СЛѢПЫЙ УДЕРЖИВАЕМЫЙ.

ываешь, что когда слѣпый идетъ самъ о себѣ, и приходитъ ко рву, или иному какому вредному мѣсту, гдѣ ему великая можетъ приключиться бѣда, другой человѣкъ, видя то, и хотя его остереши отъ того бѣдствія, въ слѣдъ его кричить: *воротись, не туда пошелъ ты*, или, взявши за руку его, отводитъ его отъ того опаснаго мѣста. Возлюбленный Христіанине! братъ твой и ближній твой едино съ тобою созданіе Божіе, по образу Божію и по подобію сотворенное, идетъ въ ровъ погибели, какъ слѣпый, когда беззаконнуетъ. Блудникъ и прелюбодѣй идетъ въ ровъ погибели, гнѣвливыи и памятозловивый и убійца идетъ въ ровъ погибели: воръ и хищникъ и лихоимецъ идетъ въ ровъ погибели: сквернословецъ, кощунникъ и бусловецъ идетъ въ ровъ погибели: клеветникъ, злорѣчивый и ругатель идетъ въ ровъ погибели, всякъ законопреступникъ идетъ въ ровъ погибели и погибели вѣчныя. Ахъ! идетъ, какъ слѣпый, и имѣетъ впасти, и не изыдетъ оттуду! Закричи убо въ слѣдъ его, возлюбленне, когда видишь его идуща, закричи: *брате, не туда идешь*. Тамо ровъ предъ тобою ископанъ, въ который имѣешь впасти, и никогда оттуду не изыти. Удержи. возлюбленне, удержи его, пока еще не впалъ. Братъ твой онъ, ближній твой онъ, сродное тебѣ естество, человѣкъ какъ и ты. Душею разумною почтенный идетъ въ ровъ погибели. Умилосердися убо надъ нимъ, и возврати его какъ можешь. Онъ не знаетъ самъ, куда идетъ. Врагъ ему помрачилъ глаза своею прелестію. Жалѣешь о слѣпцѣ, идущемъ въ ровъ видимый, которому временное только бѣдствіе приключится, кольми паче жалѣть должно о такомъ слѣпцѣ, который идетъ и стремится въ ровъ вѣчныя погибели. *(Изъ твореній Тихона Задонскаго).*

ГОГОЛЬ, КАКЪ ХРИСТІАНИНЪ.

(Продолженіе).

II.

Будучи глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, Гоголь вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и вѣрнымъ сыномъ Церкви.

Замѣчательны и по нынѣшнимъ временамъ его мысли о Церкви. Кто нынѣ не поноситъ ее? Кто не издѣвается и не кощун-

ствуешь надъ ней? Одинъ графъ Левъ Толстой сколько содѣйствовалъ этому издѣвательству и поруганію. Гоголь величина въ литературѣ безспорно болѣе крупная. Но какъ свѣтлы и ясны его взгляды! Какъ они глубоко-вѣрны и жизненны! Его мысли—лучшее опроверженіе всѣхъ противуцерковныхъ ученій, начиная съ упомянутаго старца графа. Вотъ что писалъ Гоголь:

„Церковь, которая, какъ цѣломудренная дѣва, сохранилась одна только отъ временъ апостольскихъ въ непорочной первоначальной чистотѣ своей, эта Церковь, которая вся съ своими глубокими догматами и малѣйшими обрядами наружными какъ бы снесена прямо съ неба для Русскаго народа, которая одна въ силахъ разрѣшить всѣ узлы недоумѣнія и вопросы наши, которая можетъ произвести неслыханное чудо въ виду всей Европы, заставивъ у насъ всякое сословіе, званіе и должность войти въ ихъ законныя границы и предѣлы, и, не измѣнивъ ничего въ государствѣ, дать силу Россіи, изумить весь міръ согласною стройностію того же самого организма, которымъ она доселѣ пугала,—и эта Церковь нами не знаема! И эту Церковь, созданную для жизни, мы до сихъ не ввели въ нашу жизнь!

„Нѣтъ, храни насъ Богъ защищать нашу Церковь! Это значитъ уронить ее. Только и есть для насъ возможна одна пропаганда—жизнь наша. Жизнью нашею мы должны защищать нашу Церковь, которая вся есть *жизнь*; благоуханіемъ душъ нашихъ мы должны возвѣстить ея истину. Пусть миссіонеръ католичества *западнаго* бьетъ себя въ грудь, размахиваетъ руками и краснорѣчіемъ рыданій и словъ исторгаетъ скоро высыхающія слезы. Проповѣдникъ же католичества *восточнаго* долженъ выступать такъ передъ народъ, чтобы уже отъ одного его смиреннаго вида, потухнувшихъ очей и тихаго, потрясающаго гласа, исходящаго изъ души, въ которой умерли всѣ желанія міра, все бы подвинулось еще прежде, нежели онъ объяснилъ-бы самое дѣло и въ одинъ голосъ заговорило бы къ нему: „не производи словъ: слышимъ и безъ нихъ святую правду твоей Церкви“.

Въ письмѣ къ особенно любимому и единомысленному другу В. А. Жуковскому Гоголь такъ писалъ о Церкви:

„Есть примиритель всего внутри самой земли нашей—наша Церковь... Въ ней заключено все, что нужно для жизни истинно-русской, во всѣхъ ея отношеніяхъ, начиная отъ государственнаго до простаго семейственнаго, всему настрой, всему направленіе, всему законная и вѣрная дорога“. Въ концѣ этого письма есть такія глубокознаменательныя строки:

„Уже какимъ то невѣдомымъ чутьемъ даже наши свѣтскіе люди, толкающіеся среди насъ, начинаютъ слышать, что есть какое то сокровище, отъ котораго спасеніе,—которое среди насъ и котораго не видимъ. Блеснетъ сокровище и на всемъ отсвѣтится блескъ его. И время уже недалеко. Мы повторяемъ теперѣ

еще бессмысленно слово „просвѣщеніе“. Даже и не задумались надъ тѣмъ, откуда пришло это слово и что оно значить. Слова этого нѣтъ ни на какомъ языкѣ; оно только у насъ. Просвѣтитъ—не значить научить, или наставить, или образовать, или даже освѣтитъ, но всего насквозь высвѣтитъ человѣка во всѣхъ его силахъ, а не въ одномъ умѣ, пронести всю природу его чрезъ какой то очистительный огонь. Слово это взято изъ нашей Церкви, которая уже почти тысячу лѣтъ его произноситъ, не смотря на всѣ мраки и невѣжественныя тѣмы, отвсюду ее окружавшіе, и знаетъ, зачѣмъ произноситъ. Недаромъ Архіерей, въ торжественномъ служеніи своемъ, подъявля въ обѣихъ рукахъ и троесвѣщникъ, знаменующій Троицу, и двусвѣщникъ, знаменующій сходящее на землю Слово, въ двойномъ естествѣ Его, и Божескомъ и человѣческомъ, всѣхъ ими освѣщаетъ, произнося: „Свѣтъ Христовъ просвѣщаетъ всѣхъ!“

Въ другомъ письмѣ Гоголь такъ защищаетъ Церковь отъ обвиненій:

„Замѣчаніе, будто власть Церкви оттого у насъ слаба, что наше духовенство мало имѣетъ свѣтскости и ловкости обращенія въ обществѣ, есть такая нелѣпость, какъ и утвержденіе, будто духовенство у насъ вовсе отстранено отъ всякаго прикосновенія съ жизнію уставами нашей Церкви и связано въ своихъ дѣйствіяхъ правительствомъ. Духовенству нашему указаны законныя и точныя границы въ его соприкосновеніяхъ со свѣтомъ и людьми. Повѣрьте, что если бы стали они встрѣчаться съ нами чаще, участвуя въ нашихъ ежедневныхъ собраніяхъ и гульбищахъ или входя въ семейныя дѣла, это было-бы не хорошо. Духовному предстоитъ много искушеній, гораздо болѣе даже, нежели намъ... У духовенства нашего два законныхъ поприща, на которыхъ они съ нами встрѣчаются: исповѣдь и проповѣдь. На этихъ двухъ поприщахъ, изъ которыхъ первое бываетъ разъ или два въ годъ, а второе можетъ быть всякое воскресеніе, можно сдѣлать очень много. И если только священникъ, видя многое дурное въ людяхъ, умѣлъ до времени молчать о немъ и долго соображать въ себѣ самомъ, какъ ему сказать такимъ образомъ, чтобы всякое слово дошло прямо до сердца; то онъ уже скажетъ объ этомъ такъ сильно на исповѣди и проповѣди, какъ никогда ему не сказать на ежедневныхъ съ нами бесѣдахъ. Нужно, чтобы онъ говорилъ стоящему среди свѣта человѣку съ какого-то возвышеннаго мѣста, чтобы не его присутствіе слышалъ въ это время человѣкъ, но присутствіе Самого Бога, внимающаго равно имъ обоимъ, и слышался-бы обоюдный страхъ отъ Его незримаго присутствія. Нѣтъ, это даже хорошо, что духовенство наше находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ. Хорошо, что даже самой своей одеждой, не подвластной никакимъ измѣненіямъ и прихотямъ нашихъ глупыхъ модъ, они

отдѣлились отъ насъ. Одежда эта прекрасна и величественна. Она имѣетъ смыслъ: она по образу и подобію той одежды, которую носилъ Самъ Спаситель. Нужно, чтобы и въ самъ одеждѣ своей они носили себѣ вѣчное напоминаніе о Томъ, Чѣ образъ они должны представлять намъ, чтобы и на одинъ миг не позабылись и не растерялись среди развлеченій..., ибо с нихъ тысячу кратъ болѣе взыщется, нежели съ каждаго из насъ; чтобы слышали безпрестанно, что они какъ бы другіе высшіе люди. Нѣтъ, пока священникъ еще молодъ и жизнь ея неизвѣстна, онъ не долженъ даже и встрѣчаться съ людьми иначе, какъ на исповѣди и проповѣди. Если же и можно ему входить въ бесѣду, то развѣ только съ мудрѣйшими и опытнѣйшими изъ нихъ, которые могли-бы познакомить его съ душею и сердцемъ человѣка, изобразить ему жизнь въ ея истинномъ видѣ и свѣтѣ, а не въ томъ, въ какомъ она является неопытному человеку. Священнику нужно время также и для себя: ему нужно поработать и надъ самимъ собою. Онъ долженъ со Спасителемъ брать примѣръ, Который долгое время провелъ въ пустынѣ и не прежде, какъ послѣ сорокадневнаго предуготовительнаго поста, вышелъ къ людямъ учить ихъ. Нѣкоторые изъ нынѣшнихъ умниковъ выдумали, будто нужно толкаться среди свѣта для того, чтобы узнать его. Это просто вздоръ. Опроверженіемъ такого мнѣнія служатъ всѣ свѣтскіе люди, которые толкаются вѣчно среди свѣта и при всемъ томъ бываютъ всѣхъ пустѣе. Воспитываются для свѣта не посреди свѣта, но вдали отъ него, въ глубокомъ внутреннемъ созерцаніи, въ изслѣдованіи собственной души своей, ибо тамъ законы всего и всему: найди только прежде ключъ къ своей собственной своей душѣ; когда же найдешь, тогда этимъ-же самымъ ключемъ отопрешь души всѣхъ“.

Въ другомъ письмѣ Гоголь снова защищаетъ Церковь отъ взводимыхъ на нее обвиненій:

„Напрасно вы смущаетесь нападеніями, которыя теперь раздаются на нашу Церковь въ Европѣ. Обвинять въ равнодушіи духовенство наше будетъ также несправедливость. Зачѣмъ хотите вы, чтобы наше духовенство, доселѣ отличавшееся величавымъ спокойствіемъ, столь ему пристойнымъ, стало въ ряды европейскихъ крикуновъ и начало, подобно имъ, печатать опрометчивыя брошюры? Церковь наша дѣйствовала мудро. Чтобы защищать ее, нужно самому прежде узнать ее. А мы вообще плохо знаемъ нашу Церковь. Духовенство наше не бездѣйствуетъ. Я очень знаю, что въ глубинѣ монастырей и въ тишинѣ келій готовятся неопровержимыя сочиненія въ защиту Церкви нашей. Но дѣла свои они дѣлаютъ лучше, нежели мы: они не торопятся и, зная, чего требуетъ такой предметъ, совершаютъ свой трудъ въ глубокомъ спокойствіи, молясь, воспитывая самихъ себя, изгоняя изъ души своей все страстное, похожее на неумѣстную,

безумную горячку, возвышая свою душу на ту высоту безстрастія небснаго, на которой ей слѣдуетъ пребывать, дабы быть въ силахъ заговорить о такомъ предметѣ“.

Кромѣ исповѣди и проповѣди наиболѣе плодотворнымъ поприщемъ дѣятельности духовенства Гоголь считаетъ еще общественную благотворительность. Онъ задолго предупредилъ сѣтованіе одного изъ великихъ русскихъ іерарховъ—не такъ давно умершаго ученѣйшаго Архіепископа Херсонскаго Никанора по тому поводу, что дѣло общественной благотворительности, вѣрнее Церкви съ первыхъ вѣковъ ея существованія, въ наши времена далеко ушло отъ Церкви и нынѣ нерѣдко ввѣряется иновѣрцамъ и инородцамъ.

„Всего лучше, однакожъ, если-бы всякая помощь (голодающимъ и вообще людямъ впавшимъ *въ визанное* несчастіе) производилась чрезъ руки опытныхъ и умныхъ священниковъ. Они одни въ силахъ истолковать челоуѣку святой и глубокой смыслъ несчастія, которое, въ какихъ бы ни являлось образахъ и видахъ кому бы то ни было на землѣ, обитаетъ-ли онъ въ избѣ, или палатахъ, есть тотъ же крикъ небсный, вопіющій челоуѣку о перемѣнѣ всей его прежней жизни“.

Въ своихъ мысляхъ о Церкви Гоголь возвышается даже до недовѣдомой высоты нашимъ современникамъ. Многіе изъ нихъ въ своихъ нападкахъ на Церковь забываютъ, что они нападаютъ на самихъ себя, ибо они тоже члены Церкви.

„Церковь должна святиться *въ насъ*, а не въ словахъ нашихъ. Мы должны быть Церковь наша и нами же должны возвѣстить ея правду. Они говорятъ, что Церковь наша безжизненна. Они сказали ложь, потому что Церковь наша есть жизнь... Мы трупы, а не Церковь наша; по насъ они и Церковь нашу назвали трупомъ“.

Какъ бы въ противовѣсъ всѣмъ подобнымъ обвиненіямъ Гоголь такъ говоритъ о Церкви:

„Верховная инстанція (высшая ступень) всего есть Церковь и разрѣшеніе вопросовъ жизни—въ ней. Стало быть, во всякомъ случаѣ, послѣ книги моей („Мертвыя души“) читатель обратится къ Церкви, а въ Церкви встрѣтитъ и учителей Церкви, которые укажутъ что слѣдуетъ ему взять изъ моей книги, а, можетъ быть, дадутъ ему, на мѣсто моей книги, другія позначительнѣе, полезнѣе, для которыхъ онъ оставитъ мою книгу“.

Считая Церковь высшею руководительницею челоуѣческой жизни, Гоголь не находитъ возможнымъ, чтобы какое либо нововведеніе въ эту жизнь совершилось помимо Церкви.

„По мнѣ безумна и мысль ввести какое нибудь нововведеніе въ Россію, минуя нашу Церковь, не испросивъ на то у нея благословенія. Нелѣпо даже и къ мыслямъ нашимъ прививать какія бы то ни было европейскія идеи, покуда не окреститъ ихъ она свѣтомъ Христовымъ. Увидишь, какъ это вдругъ и въ тво-

ихъ же глазахъ будетъ признано всѣми въ Россіи, какъ вѣрующими такъ и невѣрующими, какъ вдругъ выступитъ всѣми узнанная наша Церковь. Была на то воля Провидѣнія, чтобы непостижимая слѣпота пала на глаза многихъ“...

Изъ таинствъ церковныхъ Гоголь особенно сосредоточивается своими мыслями и чувствами на святѣйшей Евхаристіи. Онъ написалъ „Размышленія о Божественной литургіи“, могущія служить самымъ лучшимъ руководствомъ и для отрока, и для взрослого къ уразумѣнію смысла важнѣйшаго изъ нашихъ Богослуженій. Во вступленіи и заключеніи къ этимъ „Размышленіямъ“ Гоголь писалъ:

„Божественная литургія есть вѣчное повтореніе великаго подвига любви, для насъ совершившагося... Дѣйствіе литургіи на душу велико: зримо и во очію совершается, въ виду всего свѣта, и скрыто. И если только молившійся благоговѣнно и прилежно слѣдить за всякимъ дѣйствіемъ, покорный призванію священнослужителя, душа пріобрѣтаетъ высокое настроеніе, заповѣди Христовы становятся для него исполнимы, иго Христово благо и бремя легко. По выходѣ изъ храма, гдѣ онъ присутствовалъ при Божественной трапезѣ любви, онъ глядитъ на всѣхъ какъ на братьевъ. На службѣ, въ семьѣ, и гдѣ бы то ни было, сохраняетъ неволью въ душѣ своей высокое начертаніе любовнаго обращенія съ людьми, принесеннаго съ небесъ Богочеловѣкомъ... И всѣ, прилежно слушавшіе Божественную литургію, выходятъ кротче, милѣе во обхожденіи съ людьми, дружелюбнѣе, тише во всѣхъ поступкахъ... И если общество еще не совершенно распалось, если люди не дышутъ полною непримиримою ненавистію между собою, то сокровенная причина тому Божественная литургія, напоминающая человѣку о святой небесной любви къ брату. Кто хочетъ укрѣпиться въ любви, долженъ чаще присутствовать при священной трапезѣ любви. И если онъ чувствуетъ, что недостойнъ принимать въ уста свои Самого Бога, Который весь любовь, то хоть быть зрителемъ, какъ пріобщаются другіе, чтобы становиться совершеннѣе съ каждой недѣлей...“

Но если Божественная литургія дѣйствуетъ сильно на присутствующихъ при ея совершеніи, тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ на совершителя. Если только благоговѣнно совершалъ онъ, со страхомъ, вѣрой и любовью,—Самъ Спаситель въ немъ вообразится и во всѣхъ дѣйствіяхъ его будетъ дѣйствовать Христось... Будеть-ли склонять онъ на примиреніе между собой враждующихъ, будетъ-ли преклонять на милость сильнаго къ безсильному, или ожесточеннаго, или утѣшать скорбящаго, или (призывать) къ терпѣнію угнетеннаго... слова его пріобрѣтутъ силу врачующаго ея и будутъ на всякомъ мѣстѣ словами мира и любви“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матвѣевича Рынина
(подвизавшагося Христа ради въ Вологдѣ).

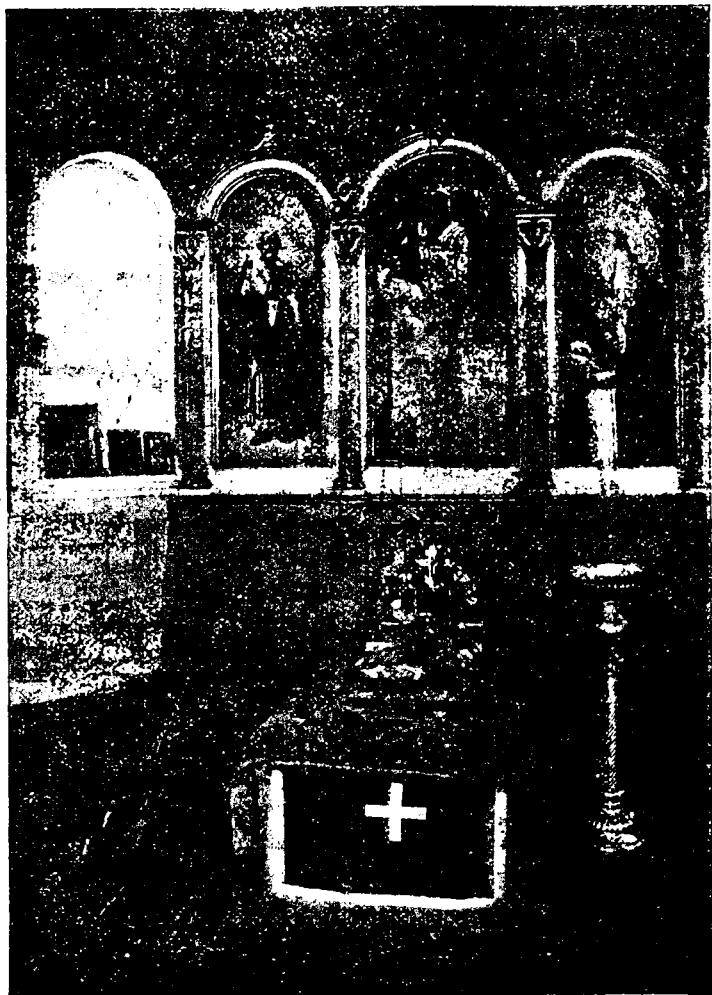
(Окончаніе).

Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ почитателей памяти покойнаго Н. М. Рынина въ настоящее время является В. П. Чер—въ. Онъ сообщилъ причту Богородскаго кладбища слѣдующее. Впервые я узналъ о блаж. Николаѣ Матвѣевичѣ въ 1869 году, когда я познакомился съ старожилками Вологды старушками Ф. Н. и Е. Н. Садовыми, нынѣ уже умершими. Онѣ знали хорошо при жизни Николая Матвѣевича и очень уважали его память. Онѣ-то мнѣ и указали нынѣ дорогую для меня могилу блаженнаго, ко-

торуя я сталъ часто посѣщать. Придешь, постоишь, поклонишься и на душѣ станетъ легко. Вотъ тѣ особенные случаи, которые заставляли меня уважать эту могилу. 1) Когда я окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1871 году, я пріѣхалъ на лѣто въ Вологду. Наслышавшись о великихъ чудесахъ преп. Силвестра Обнорскаго и о красотѣ тамошняго мѣстоположенія, я пользуясь отдыхомъ послѣ ученія, вздумалъ пойти туда пѣшкомъ съ пятью или четырьмя простыми богомолками. Но, зная строгія правила моего отца (П. К. Черняева), я не рѣшился идти безъ его позволенія. И вотъ я объявилъ ему о моемъ намѣреніи идти къ преподобному Силвестру. Къ моему огорченію отецъ мнѣ не далъ своего позволенія и категорически объявилъ: „покаместъ я живъ, тебѣ у Силвестра не бывать“, и какъ моя мать его ни уговаривала онъ остался не преклоненъ. Меня это страшно обидѣло и я, чтобы разсѣяться, пошелъ погулять. Мѣстомъ моей любимой прогулки было Глинковское кладбище и любимая мною могила Н. М. Рынина. Такъ и при этомъ случаѣ я отправился на кладбище прямо на могилу блаженнаго. Стою на могилѣ и раздумываю: что такого худого было въ моемъ намѣреніи? Мысленно я обратился къ блаженному и какъ бы говорю ему: „Ты знаешь, Николай Матвѣевичъ, что мое желаніе было не дурное, а благочестивое, и если ты святой, то ты мнѣ поможешь въ исполненіи моего намѣренія“. Проговоривъ это мысленно, я еще немного постоялъ у могилы, поклонился и пошелъ домой. Прихожу и узнаю, что отецъ ни куда не ушелъ и сидитъ у себя въ кабинетѣ, куда мы, дѣти, не могли входить безъ особой надобности или разрѣшенія. Я усѣлся въ своей комнатѣ пить чай. Вдругъ слуга моего отца входить ко мнѣ и докладываетъ, что отецъ зоветъ меня въ кабинетъ. Вошелъ и стою ни живъ ни мертвъ: думаю мнѣ проборка. И что же? Отецъ подумавъ немного и посмотрѣвъ на меня, говоритъ: „Вотъ что... можешь идти къ преп. Силвестру“. Я сразу догадался, кто былъ за меня у отца ходатаемъ, и мысленно возблагодарилъ блаженнаго за его помощь и надо замѣтить, что путешествіе свое я совершилъ очень благополучно въ 4 дня (180 верстъ). 2) У моего отца жила прислуга на кухнѣ по имени Лукерья, у которой былъ юноша сынъ, по имени Абрамъ, нынѣ купецъ А. Н. Н—въ, который былъ отданъ въ мальчики въ какую-то лавку на Московской улицѣ. Онъ изрѣдка приходилъ къ матери, которая души въ немъ не чаяла. Разъ послѣ обѣда передъ вечернимъ чаемъ я вышелъ изъ дома, чтобы пройтись на кладбище. Вдругъ изъ кухни отца, которая была черезъ дворъ, выбѣгаетъ Лукерья и спрашиваетъ меня, не на кладбище ли я иду; я отвѣчалъ утвердительно; тогда узнаю я отъ Лукерьи, что къ ней пришелъ ее Абрамко и лежитъ весь въ жару и она, Лукерья, проситъ меня принести ей земельки отъ Николая Матвѣевича. Я исполнилъ это; она скатила съ земли

воды и обрызгала сына и через короткій промежутокъ времени онъ всталъ съ постели здоровымъ и нынѣ здравствуетъ. 3) Въ Вологдѣ живутъ двѣ сестры вдовы Т. Д. С—ва и Е. Д. М—ва,

Внутренность часовни.

онѣ пріѣзжія, не коренныя жительницы Вологды и не имѣли понятія о Н. М. Рынинѣ. Какъ-то разъ, возвращаясь съ ними съ богомолья отъ св. Кирика и Іулиты (с. Толстиково) и приближаясь къ кладбищу, я предложилъ имъ зайти на кладбище и показать имъ могилу блаж. Николая Матвѣевича, которую онѣ не знали. Старшая сестра тотчасъ согласилась, а младшая только посмѣялась надъ нами, говоря: „вѣчно Владиміръ Павловичъ и Танюшка возятся съ блаженными, да съ юродивыми“, и отказалась

идти съ нами и пошла домой. Въ ту же ночь она видитъ сонъ, будто стоитъ на кладбищѣ у какой-то могилы и кто-то говоритъ ей: посмотри въ могилу. Она увидѣла открытую могилу и совер-

Часовня на могилѣ Н. М. Рынина.

шенно цѣлый гробъ; опять тотъ же голосъ ей говоритъ: „вотъ ты говорила, что Николай Матвѣевичъ не святой, а вотъ его мощи. Сразу Е. Д. М—ва проснулась и раскаялась въ своемъ сомнѣнн. 4) Вотъ случай прозорливости Н. М. Рынина при жизни. Жило въ Вологдѣ семейство мѣщанъ Дружининыхъ. Была въ то время въ Вологдѣ сильная холера и всѣ, въ томъ числѣ и семья Дружининыхъ, находились въ страхѣ отъ этого Божія меча. Глава дома Михаилъ Григорьевичъ Дружининъ въ

умѣ своемъ далъ обѣтъ, въ случаѣ избавленія его семейства отъ болѣзни, возобновить часовню Св. Николаю Чудотворца на р. Вологдѣ, называемую въ просторѣчи „Никола Мокрый“, но медлил исполненіемъ своего обѣщанія. Между тѣмъ холера все усиливалась и уносила много жертвъ. Разъ сидитъ Михайлъ Григорьевичъ у себя дома за чаемъ. Вдругъ вбѣгаетъ Николай Матвѣевичъ и говоритъ: „Михайло, тебя Никола Мокрый дожидается“. Это такъ поразило Михайла Григорьевича, что онъ тотчасъ отправился въ путь и возобновилъ означенную часовню. И Богъ, принявъ его жертву: въ семьѣ Дружинина никто отъ холеры не умеръ.

При жизни Николай Матвѣевичъ говорилъ брату Ивану:— когда я умру, ты не ставь надо мною ни креста, ни памятника, не то крышу у тебя сорву. Этотъ завѣтъ братъ исполнилъ: дѣйствительно на могилѣ Николая Матвѣевича долгое время не было креста, хотя за это нѣкоторые и упрекали его родныхъ. Первый крестъ на могилѣ Рынина поставила крестьянка Воздвиженскаго прихода изъ за Кадникова (въ 52 вер. отъ Вологды), по такому случаю. Она была больна разслабленіемъ. Ничто не помогало. Разъ, въ сонномъ видѣніи, она слышитъ приказаніе поставить въ Вологдѣ надъ могилою Николая Рынина крестъ, за исполненіе ея обѣщается выздоровленіе. Сновидѣніе повторилось. Духовный отецъ посовѣтовалъ больной исполнить повелѣнное. Лишь только женщина заказала сдѣлать крестъ, почувствовала облегченіе отъ недуга. Сама на своихъ плечахъ рѣшилась она донести крестъ до могилы. Помянутая Пищ—на, у дома которой останавливалась женщина уже совершенно здоровая, указала ей то мѣсто, гдѣ погребено тѣло Рынина. До 80 годовъ могила Николая Матвѣевича отличалась отъ другихъ развѣ тѣмъ, что была сильно изрыта почитателями юродиваго, берущими изъ нея песочекъ, такъ что крестъ на ней стоялъ покривившись. Въ 80 годахъ, кунеческая вдова Наталья М—на Коровина устроила надъ могилою крышу на 4 деревянныхъ столбахъ и довольно высокія перила, а въ 1899 году, почитательница покойнаго А. М. Крылова, построила досчатую часовенку, покрытую желѣзомъ, съ небольшою изъ бѣлаго желѣза главкою и желѣзнымъ крестомъ. Въ часовнѣ 4 окна, входъ въ нее съ западной стороны. На могилѣ поставленъ деревянный крестъ, сама же она покрыта парчевымъ покровомъ. Въ 1905 г., лѣтомъ, неизвѣстнымъ лицомъ часовня окрашена масляною, голубаго цвѣта, краскою, на восточной сторонѣ ея поставленъ столярный, съ золоченною рѣзьбою, иконостасъ съ 3 большими образами: въ срединѣ Воскресенія Христова, направо Успенія Божіей Матери, налѣво Николая Святителя (тезоименитаго покойному). На стѣнѣ виситъ портретъ Николая Матвѣевича: худое, съ заостреннымъ носомъ, подвижническое лицо, черные задумчивые глаза...

Мѣщанская вдова Екатерина Елисеевна Кинарейкина, донимѣ

здравствующая, рассказываетъ, что Николай Матѣевичъ часто посѣщаль ихъ домъ и много разъ ночеваль у нихъ. „Живи осторожниѣ, живи осторожниѣ“, говорилъ онъ отцу моему Елисею Алексѣевичу. Надо бы слушать прозорливца, а отецъ мой, бывшій буфетчикомъ въ трактирѣ, по прежнему былъ доврѣчивъ къ посѣтителямъ, слѣдствиемъ чего произошло раззореніе огна. Въ нашемъ домѣ вѣрили въ прозорливость Николая Матѣевича. Старецъ однажды приходитъ въ нашъ домъ и ставитъ въ комнатѣ крестъ. Мы испугались, ожидая чего-нибудь печальнаго. Черезъ три дня получаемъ письмо о смерти нашей матери, Маріамны Марковны Кинарейкиной, жившей въ деревнѣ. Нелюбилъ покойный нашей кухарки, какъ только бывало придетъ къ намъ, ворчитъ и бранитъ ее. Потомъ узнали, что кухарка брала украдкой хозяйское добро, за что и пришлось ей отказать.

Вотъ случаи благодатной помощи по молитвѣ раба Божія Николая Матѣевича, относящіяся къ послѣднему времени.

19 Марта 1907 года крестьянинъ Вологодскаго уѣзда, Семеновской волости, дер. Ципоглазова, Павелъ Петровъ Москвинъ, 43 лѣтъ, объявилъ причту Богородицкаго кладбища слѣдующее. Съ весны 1906 года заболѣлъ у меня на правой рукѣ большой палецъ и разболѣлся до такой степени, что отъ боли я не имѣлъ ни минуты покоя. Врачи давали мнѣ лекарства, но пользы и облегченія болѣзни отъ нихъ не было, боли стали напротивъ не выносимѣ. Послѣ долгихъ стараній врачи рѣшили отнять палецъ, но на это я не согласился. Прожилъ я и лѣто и осень въ совершенномъ бездѣйствіи, даже топора не могъ взять въ руки. Къ концу осени боль усилилась до такой степени, что я задумываль было самъ отрубить себѣ палецъ. Въ Введеніевъ день (21 Ноября) мои односельчане принесли книжку о Ник. Матѣевичѣ Рынинѣ. Жена моя грамотная, она въ тотъ же вечеръ прочитала рассказъ о вологодскомъ молитвенникѣ. Съ того времени сталъ я думать о Николаѣ Матѣевичѣ, сталъ молитвенно призывать его и далъ обѣтъ сходить на могилу, помолиться предъ его гробницею. 6 Декабря я пришелъ въ кладбищенскую церковь помолиться. Во время Херувимской пѣсни мысли мои были о рабѣ Божіемъ Николаѣ Матѣевичѣ. И вотъ здѣсь въ храмѣ я почувствовалъ, что съ больнаго пальца какъ бы что-то спало и боль въ рукѣ сама собою утихла; черезъ 2 недѣли я уже окончательно поправился. Тогда же (6 Декабря) Москвиновъ отслужилъ панихиду, а 19 Марта 1907 года въ день памяти Н. М. Рынина снова пришелъ возблагодарить Господа, Бога за исцѣленіе по ходатайству молитвенному за него предъ Всевышнимъ раба Божія Николая Рынина.

Крестьянинъ Народовской волости, дер. Епифанки, Вологод. у., Василій Филипповъ Оедотовъ рассказываль 2 Февраля 1908 года. Въ Сентябрѣ 1907 года во время молотбы хлѣба на гумнѣ я свалился съ воза и сильно разшибся, послѣ сего почувствовалъ

жарь и разслабленіе во всемъ тѣлѣ; съ теченіемъ времени появилась у меня сильная постоянная головная боль какъ бы отъ угара. Болѣзнь мучила меня 4 мѣсяца. За это время я побывалъ въ Вологдѣ и получилъ книжку о Н. М. Рынинѣ; изъ нея я узналъ, что угодникъ Божій помогаетъ больнымъ, и самъ сталъ просить у него помощи, причемъ далъ обѣщаніе сходить пѣшкомъ въ Вологду (верстъ за 70) и отпѣть панихиду на могилѣ у Николая Матѣевича, если почувствую облегченіе болѣзни. Болѣзнь моя вскорѣ же послѣ сего обѣщанія прекратилась и 2 Февраля 1908 года Богъ привелъ меня исполнить свое обѣщаніе—отпѣть панихиду и поклониться праху приснопамятнаго раба Божія.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1908 года настоятелемъ Богородицкаго кладбища получено было знаменательное письмо изъ Петербурга.

„Я жена крестьянина Вологодской губерніи и уѣзда Турундаевской волости, деревни Ерилова Анна Зародова, проживаемъ мы съ мужемъ въ Петербургѣ (адресъ нашъ: За Невской заставой село Александровское, Конторская улица, домъ № 20, квар. 11-я). Мужъ мой былъ въ Вологдѣ 1908 года 21 Января, ходилъ онъ на могилу блаженнаго Николая на Богородское кладбище, отслужилъ тамъ панихиду и взялъ съ собой землячки. 22 Января мужъ вернулся домой изъ Вологды, а 28 Января меня постигла тяжкая болѣзнь. Моментально отнялась у меня правая рука и нога и языкъ, а ротъ мой искосило. Я лежала въ такомъ положеніи съ часъ. Сестра моя пошла за докторомъ, но доктора не привела, не застала дома. Время шло, я все лежала въ одномъ положеніи. Въ головѣ мужа блеснула мысль—взять землячки, привезенной съ могилы блаженнаго Николая и опустить землячку въ стаканъ съ водой. Онъ подаль стаканъ сестрѣ моей, а самъ пошелъ за другимъ докторомъ. Когда сестра дала мнѣ выпить этой воды, глонула я и тутъ же проговорила: дай и еще. Ротъ у меня исправился и языкъ пришелъ въ чувство. Когда я приняла еще этой воды, то очувствовались рука и нога. Приходитъ мужъ съ докторомъ, а я ужъ сижу на диванѣ совершенно здоровая.

Былъ со мной второй случай 13-го Сентября. Заболѣла я очень тяжко. Были всѣ признаки холеры. И взмолилась я: помощникъ мой, великій святой блаженный Николай! На той же я землѣ росла, гдѣ ты спасался, быть можетъ когда нибудь я и шла тутъ, гдѣ ты ходилъ и разъ ты спасъ меня отъ смерти и еще спаси меня отъ такой тяжкой болѣзни, не отступлюсь я, просить тебя буду, пока говоритъ языкъ мой и пока не отнялся умъ мой. Я вѣрю, что ты помощникъ мой великій и ходатай предъ Господомъ Богомъ. И въ этотъ разъ мужъ далъ мнѣ воды съ землячкой отъ могилы блаженнаго Николая и поправилась я. Тогда же я рѣшила послать на масло для лампы предъ гробницею блаженнаго Николая и съ сестрой своей посылаю 3 рубля“. Всѣ эти случая ясно показываютъ, что Николай Матѣевичъ Рынинъ былъ не простой человѣкъ, а лицо, ближе стоящее къ Богу,

чѣмъ мы грѣшныя, и что въ немъ мы, вологжане, имѣемъ особаго ходатая и заступника въ нашихъ нуждахъ предъ Богомъ.

За послѣдніе годы рѣдкій день пройдетъ, чтобы кто нибудь не пришелъ на могилку Николая Матѣевича и не отиѣтъ бы панихиды по немъ. Часто причту приходится быть свидѣтелемъ горячихъ молитвъ посѣтителей о покойномъ подвижникѣ, многіе прибѣгаютъ къ нему, какъ къ Угоднику Божію и просятъ ходатайства его предъ Богомъ, нѣкоторые идутъ на могилку его, чтобы молитвою за него воздать благодарность за полученныя уже благодѣянія по его ходатайству. И какія теплыя молитвы льются у этихъ людей за приснопамятнаго раба Божія Николая! Разказами этихъ крѣпкихъ вѣроу и сильныхъ молитвою богомольцевъ о милости Божіей, явленной молитвами Николая Матѣевича, невольно умиляется душа.

Иеромонахъ Неофитъ.

Чѣмъ жива наша русская православная душа.

IX.

Для иноковъ, живущихъ въ обители преподобнаго Сергія, несомнѣнный фактъ, что угодникъ Божій самъ управляетъ своею обителью, самъ распоряжается судьбою живущихъ подъ его благодатнымъ кровомъ. И дѣйствительно: не рѣдко приходилось слышать трогательныя разказы о томъ, какъ преподобный Сергій вразумляетъ предающихся пороку, утѣшаетъ скорбящихъ, подкрѣпляетъ немощныхъ и исцѣляетъ болящихъ своихъ иноковъ. И иноки глубоко вѣрятъ въ это небесное руководство и попечительство своего небеснаго игумена, и прибѣгаютъ къ нему въ скорбяхъ своихъ. Иной старецъ говоритъ послушнику: „не скорби, братъ, много, поди-ка лучше къ преподобному, стань тамъ, за столбомъ, помолись поусерднѣе ему батюникѣ и—увидишь—онъ какъ рукою сниметъ твою скорбь и на душѣ станетъ такъ легко и отраднѣ“.

Внимательные къ дѣлу своего спасенія иноки больше, чѣмъ міряне, слѣдятъ за внутренними движеніями своего сердца, незримыя міру искушенія дѣйствуютъ въ нихъ ощутительнѣе, борьба съ страстями тяжелѣе, а потому и благодатная помощь свыше ощущается ими очевиднѣе для ихъ внутренняго человѣка. Разсказывалъ мнѣ одинъ инокъ: „однажды мнѣ предложили такое послушаніе, которое поставило бы меня въ почетное положеніе предъ всею братіей: всѣ нуждаются въ этомъ должностномъ лицѣ, всѣ обращаются къ нему—кто за совѣтомъ, кто за ходатайствомъ предъ начальствомъ, а кто за помощью въ дѣлѣ. Но для меня, всѣмъ сердцемъ преданнаго прежнему послушанію, показалось тяжелымъ бременемъ эта новая, мнѣ предложенная должность: я рѣшилъ отказаться. Трижды призывалъ меня покойный старецъ намѣстникъ Леонидъ, уговаривалъ принять по-

диль одно—„увольте, не могу!“—Такъ прошло дня три. Боримый помыслами, я пошелъ къ старцу-духовнику за совѣтомъ. Добрый о. Аврамій—царство ему небесное—посоветовалъ принять послушаніе, тѣмъ болѣе, что его было можно совмѣстить съ прежнимъ. „Тяжело будетъ—и тогда успѣешь отказать, а можетъ быть преподобный поможетъ и то и другое исправить“. Иду къ о. намѣстнику умиротворенный, чтобы изъяснить свое согласіе, а тотъ меня встрѣчаетъ словами: „ну вотъ, вы и свободны: я нашелъ вмѣсто васъ человѣка на послушаніе!“ Тутъ я почувствовалъ, будто что то оборвалось въ моемъ духовномъ настроеніи: вдругъ стало жалко, что я отказался отъ почетнаго—именно—*почетнаго* (тщеславіе заговорило!) послушанія; я сдѣлать видъ, что былъ доволенъ распоряженіемъ о. намѣстника, поблагодарилъ его за освобожденіе, а въ душѣ уже мучился, не зналъ, что дѣлать, страсть тщесавія, честолюбія во мнѣ уже бушевала. Видимо, благодать Божія сокрылась отъ меня, предоставивъ меня самому себѣ, чтобы увидѣлъ я свои немощи, позналъ бы свои страсти... Миръ душевный былъ на столько потерянъ, что я ночи не спалъ, ѣсть пересталъ, ходилъ какъ тѣнь... Такъ прошло недѣли три. Никто не подозрѣвалъ, что творилось въ моей душѣ: только къ о. Аврамію я ходилъ каждый день и жаловался на себя, и просилъ его молитвъ... Положеніе становилось нестерпимымъ: тоска давила сердце. Наконецъ старецъ сказалъ мнѣ: „да идите же къ преподобному, пожалуйте ему самому на свое сердце!“—Я пошелъ къ мощамъ угодника Божія, приналъ къ его челу своимъ грѣшнымъ челомъ и отъ всего сердца, какъ живому повѣдалъ скорбь свою. „Угодникъ Божій! взывалъ я изъ глубины души: батюшка! смилуйся надо мною! Или устрой, чтобы меня поставили на это послушаніе, или же прогони отъ меня искусительную мысль! Замучила она меня!“ И что же? О, радость! о, снисхожденіе небеснаго игумена къ моему недостойнству! Въ моемъ сердцѣ вдругъ настала тишина, а въ сознаніи ясно послышался голосъ совѣсти: „и чего ты мятешься? Вѣдь послушаніе занялъ человѣкъ способный, оно и безъ тебя будетъ выполнено исправно: значить, только самолюбіе одно въ тебѣ кипитъ, смирись, покайся и будь покоенъ!“... И я смирился, поблагодарилъ преподобнаго, и больше уже ни разу не приходила мнѣ мысль жалѣть объ упущенномъ почетномъ послушаніи“.

Такъ заключилъ свой рассказъ инокъ.

Не буду рассказывать то, что можно прочесть въ особыхъ книжкахъ лаврскаго изданія, каковы напримѣръ: „Монастырскія Письма“, „Небесный Игуменъ“ и под. Совѣтую цѣликомъ прочесть эти маленькія, но по своему содержанію драгоценныя книжки.

Расскажу то, чего еще нѣтъ въ этихъ книжкахъ.